

© 2017 г.

Д.В. ИВАНОВ

ТРЕНД МЕТАТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

ИВАНОВ Дмитрий Владиславович – доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (dvi1967@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматривается тенденция перехода социологического общества от дискурса парадигмального кризиса к метатеоретизированию. Выделены две разновидности метатеоретизирования: стабилизационное и трансформационное. Стабилизационное метатеоретизирование, инициированное работами Дж. Ритцера, нацелено на достижение теоретического единства социологии путем установления концептуального порядка на базе созданных ранее теорий. Отличительная черта такого метатеоретизирования – рефлексивность. Трансформационное метатеоретизирование, представленное работами М. Кастельса, Дж. Урри, З. Баумана, Б. Латура, ориентировано на выработку новых концептов и поиск метафор для определения новых объектностей. Показаны особенности метатеоретизирования в социологических сообществах на “глобальном Севере” и “глобальном Юге”. Дана характеристика постконструктивистского и постколониального метатеоретизирования. Обозначена возникающая в русле трансформационного метатеоретизирования проблема множественности новых образов социальной реальности.

Ключевые слова: современная социология • тренды • метатеоретизирование • образы социальной реальности • постконструктивизм • постколониальная теория

DOI: 10.7868/S0132162517110010

Проблема теоретического единства в социологии. Наиболее значимый теоретический тренд в современной социологии заключается в сдвиге от дискурса “кризиса” и проектов интеграции конкурирующих парадигм к метатеоретизированию, – тренд особенно заметен при анализе эволюции теоретической социологии в предшествующие 30–40 лет [Иванов, 2013].

С 1970-х гг. концептуальное противостояние макросоциологической и микросоциологической перспектив, индивидуализма и холизма, структуралистского и агентностного подходов, детерминизма и конструктивизма рассматривалось как кризис социологии. Во имя преодоления концептуальных разрывов были созданы интегративные теории, в которых традиционные бинарные оппозиции “индивид/общество”, “индивидуальное/социальное”, “действие/структура” сменились релятивистскими и динамическими моделями социального.

Интегративная тенденция в конце 1970-х – начале 1980-х гг. нашла свое выражение во влиятельных моделях структуризации Э. Гидденса [Giddens, 1984], структуралистского конструктивизма П. Бурдьё [Bourdieu, 1980], коммуникативного действия Ю. Хабермаса [Habermas, 1981]. Однако в этих парадигмах заложен парадокс: они базируются на критике “абсолютизации” и даже “империализма” структурных и агентностных подходов и в то же время претендуют на утверждение одной теории, заменяющей все прежде созданные, пусть и на основе объединения их достоинств. Признавая ценными концептуальные находки Хабермаса, Гидденса и Бурдьё в деле совмещения в рамках одной теории структурного детерминизма и агентностного конструктивизма, большинство социологов оказались все же не готовы отказаться

от теоретического разнообразия в пользу теоретической интеграции и унификации. Научное сообщество с готовностью пошло по пути, открытому концепцией социологии как мультипарадигмальной науки [Ritzer, 1975]. Эта идея Ритцера и стала отправным пунктом метатеоретизирования, превратившегося в последние десятилетия в особый вид теоретической работы в социологии.

Стабилизационное метатеоретизирование. В сформулированной Дж. Ритцером в конце 1980-х гг. концепции метатеоретизирование предстает рефлексивной концептуализацией, направленной не на развитие собственно(й) теории, а на создание “комфортной среды” в теоретической социологии в целом путем 1) прояснения оснований и логики уже созданных теорий, 2) создания предпосылок для развития теорий, 3) установления межтеоретических отношений, задающих общую перспективу “поверх” различий и противоречий среди отдельных теорий [Ritzer, 1990]. Эти три практики Ритцер квалифицировал как три типа метатеоретизирования, обозначил их как *Mu*, *Mr*, *Mo* (от англ. *understanding* – понимание, *prelude* – прелюдия, *overarching* – образование арки, общего свода) [Ritzer, 1990: 4].

Новый вид теоретической работы, названный Дж. Ритцером метатеоретизированием [Ritzer, 1990], хорошо просматривается в серии книг, определивших видение социологами своей дисциплины после исчерпания потенциала межпарадигмальных дебатов 1970-х гг. Установка на рефлексивность и выстраивание межтеоретических логических связей вместо конфронтационных разделительных линий очевидна в таких классических теперь работах, как “Структура социологической теории” (1978) Дж. Тернера, “Социологические дилеммы” (1979) П. Штомпки, “Социология: мультипарадигмальная наука” (1980) Дж. Ритцера, “Теоретическая логика в социологии” (1982–83) Дж. Александера [Turner, 1978; Sztompka, 1979; Ritzer, 1980; Alexander, 1982]. С начала 1980-х гг. метатеоретизирование такого рода постепенно стало преобладающей формой в социологии, где теперь создается меньше принципиально новых теорий и больше концептуальных схем, по-новому объясняющих сложившуюся теоретическую ситуацию.

Метатеоретизирование в том виде, как оно представлено Ритцером, является работой с теориями. Главное свойство, обеспечивающее успешность этой работы, – рефлексивность. Рефлексия позволяет выявить в существующих теориях неочевидные логические структуры, лежащие “глубже” авторского уровня анализа, а интеграция этих логических структур в единый концептуальный порядок позволяет создать общесоциологическую теоретическую систему, логические связи в которой лежат “поверх” расхождений между авторскими позициями и подходами, образуют метатеоретическую “арку” над ними. Установление концептуального порядка на базе понятий и теорий, уже ставших традиционными для социологии, лейтмотив метатеоретизирования Дж. Ритцера, Дж. Александера, П. Штомпки и других авторов, представивших теоретико-методологическую раздробленность социологии в позитивном свете: как логичную структуру общего “пространства возможностей”, где есть исследовательские ниши для сторонников всех социологических школ и направлений. Таким образом, это метатеоретизирование является стабилизирующим, нацеленным на рационализацию сложившегося в социологии положения дел [Ritzer, 2001].

На современном этапе эволюции социологии стабилизационное рефлексивное метатеоретизирование является доминантным в теоретической социологии. Основное внимание профессионального сообщества и интеллектуальные силы его лидеров теперь сосредоточены на прочерчивании: а) новых конфигураций известных теорий, б) траекторий перспективного теоретизирования. При этом среди трех метатеоретических практик, выделенных Ритцером в качестве трех типов метатеоретизирования *Mu*, *Mr*, *Mo* [Ritzer, 1990: 4], и обеспечивающих, соответственно, понимание, развитие, общую перспективу, явно преобладают первый и третий – *Mu* и *Mo*. Единственная метатеоретическая практика с ориентацией на инновации – *Mr* сводится у Ритцера к прелюдии развития, то есть к обеспечению подступов к новой концептуализации. Однако

в 1990–2000-х гг. альтернативой стабилизационному метатеоретизированию и определяющим трендом в социологии стало метатеоретизирование трансформационное.

Трансформационное метатеоретизирование. Новые лидеры социологического общества начали практиковать метатеоретизирование как “революцию” понятий. Главная характеристика трансформационного метатеоретизирования – креативность, а главная цель – поиск новой объектности. В отличие от стабилизационного метатеоретизирования, трансформационное ориентировано не на рефлексивную работу с другими теориями, а на работу с другой реальностью.

Поиски новой объектности на рубеже веков стали ответом социологического общества на постмодернистскую угрозу “конца социального”. Постмодернистская теория М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийера и предлагающая идеи “децентрации субъекта”, “исчезновения человека”, “атомизации социального” и даже “конца социального” [Foucault, 1966; Lyotard, 1979; Baudrillard, 1983], подводит к выводам об исчезновении или упадке социальной реальности и, как следствие, об утрате предмета современных социальных наук и об их симуляционном характере. Поэтому в борьбе за существование своей дисциплины социологам приходится предъявлять новые, выглядящие убедительными образы социальной (а в некоторых концепциях скорее уже постсоциальной) реальности и производить “цепляющие” внимание целевых аудиторий дискурсы. В результате интенсивно развивается еще одна ипостась метатеоретизирования – концептуальные инновации на основе импорта в социологию эвристических метафор.

В последние два десятилетия в социологии идет активная апробация метафор, претендующих стать концептуальной платформой, на которой возникло бы объединяющее социологов теоретическое движение за фундаментальное обновление научной дисциплины. Число таких метафор постоянно пополняется. Метафора “сети” активно внедряется Б. Латуром и М. Кастельсом [Latour, 2005; Castells, 2000], метафора “потоков” – А. Аппадурой и К. Кнорр-Цетиной [Appadurai, 1990; Knorr Cetina, Preda 2007], “мобильностей” – Дж. Урри и М. Шеллер [Urry, 2000; Шеллер, 2016], “текучести” – З. Бауманом [Bauman, 2000], “макдональдизации” – Дж. Ритцером [Ritzer, 1993], “травмы” – П. Штомпкой [Sztompka, 2000] и Дж. Александером [Alexander, 2003], “перформанса” – Дж. Александером [Alexander, 2004]. Перечисление попыток радикально обновить с помощью решающей метафоры базовые теоретические понятия социологии можно продолжать, в том числе с включением предлагаемых российскими социологами концептов “виртуализации” [Иванов, 1999] и “играизации” [Кравченко, 2002] и др.

Новые метафоры для новой (пост)социальности – это новые концептуальные платформы теоретизирования. За многообразием метафор видна общая тенденция: на смену концепциям социальной реальности как дискурсивных практик и символических конструкторов вводятся концепции гибридной и темпоральной объектности. Практически все концепции акцентируют процессуальность – подвижность и изменчивость социальных феноменов, динамику как определяющее свойство современной (пост)социальности. Б. Латур и последователи его акторно-сетевой теории продвигают концепцию, в которой режим существования социальной реальности – интеробъективность сетей [Latour, 1996; 2005]. Актор-сети являются одновременно и социально-материальными структурами, объединяющими разнородные объекты, включая людей и вещи, и формами агентности, превращающими и тех и других в “актантов”. Однако в поисках новой объектности концепция сети оказалась лишь частью решения. Сеть дает фиксацию отношений, но не отслеживание процессов. Сеть с характеризующими ее узлами и связями скорее является инфраструктурой исследуемых процессов, а не собственно процессами. Поэтому в поисках лучшего концептуального решения ориентированные на развитие теории члены социологического сообщества все чаще обращаются к метафорам, более явно раскрывающим процессуальность и темпоральность (пост)социальной реальности.

Концептуализация мобильностей, текучести, потоков, потоковых структур [Urry, 2000; Lash, Urry, 1994; Bauman, 2000; Appadurai, 1990; Castells, 2000; Knorr Cetina, Preda, 2007] ориентирует социологию не на позитивистское видение объектности как “вещей”, то есть

фиксированных целостностей, но на исследование темпоральной объектности. Здесь социальная реальность существует в ином режиме. Мобильности, потоки и т.п. трансобъективны: их реальность переживается только в движении сквозь привычные структуры, через территориальные, институциональные, групповые, культурные и символические границы. Традиционные для социологического взгляда предметности – социальные структуры представляют собой разграничения. Институты и группы четко фиксируют и ограничивают зоны и диапазоны разных взаимодействий. Через эти границы, структурирующие привычную социальность, и идет привлекающее внимание социологов движение – перемещение вещей, людей, идей и т.д.

Трансобъективность гибридной и темпоральной реальности не вписывается в рамки привычной эпистемологии и требует развития нового подхода к исследуемой реальности, который можно охарактеризовать в первом приближении как постконструктивизм. Трансформативное и креативное метатеоретизирование является движущей силой эпистемологической реконфигурации, которая в последние годы смещает теоретический фокус социологии с разделительной линии “позитивизм – конструктивизм”, определявшей эпистемологическую конфигурацию с 1960-х гг. Объективность институтов, фактичность структур и интерсубъективность порядков интеракции, социальная конструктивность агентности – это те два принципиально разных режима существования социальной реальности, выбор между которыми определял исследовательскую позицию и стратегию. Но если в 1970-х гг. конструктивизм был протестным движением в эпистемологии, сейчас он скорее – консервативная позиция, ограничивающая развитие социологии. Поэтому в поиске новых и эффективных познавательных стратегий и решений продвинутые социологи обращаются к новым онтологиям и альтернативным режимам существования социальной реальности.

Постколониальное метатеоретизирование. В то время как в западной социологии, на “глобальном Севере” смотрящие вперед социологи практикуют постконструктивистское метатеоретизирование как поиск объединяющих концептуальных схем и решающих метафор для новой реальности, на “глобальном Юге” возникла совершенно иная разновидность трансформационного метатеоретизирования. Если в западноевропейской и североамериканской социологии главный концептуальный продукт метатеоретизирования – это гибридные и темпоральные объектности (актор-сети, потоки, мобильности, перформансы, ассембляжи и т.п.), то на “Востоке” и “Юге” мировой социологии метатеоретизирование нацелено на трансформацию сложившегося порядка концептуального производства. Здесь исследователи культивируют постколониальное метатеоретизирование как поиск множественностей (модернов, цивилизаций, идентичностей и т.п.), открывающих реальность отличных от западных форм и способов социального существования. То, что называют постколониальной теорией, вопреки термину, не представляет собой связанной системы утверждений или четкой концептуальной модели. Это скорее интеллектуальное движение, развивающее свои идеи в противовес доминированию западных теорий и критику неадекватности, нерелевантности западных концептов в контексте незападных обществ и культур [Akiwowo, 1999; Alatas, 2006; Bhambra, 2007; Connell, 2007; McLennan, 2003]. Поскольку речь скорее идет о критическом анализе оснований социальной теории, о поиске альтернативных источников для теоретического развития и о перспективе выработки концептуальной платформы для новой социологии, здесь уместен скорее термин “метатеоретизирование”.

Идеям создания особых теорий, объясняющих локальные феномены и порывающих с зависимостью от западного социологического канона, созвучна критика евроцентризма в социальной теории и релятивизация западной концепции современности, получившие распространение среди европейских и американских исследователей в 1990-х гг. Критику евроцентризма и ее следствия для теоретической социологии можно представить в виде трех главных тезисов. Классические социологические понятия, включая “общество”, “действие”, “структура”, выражают ценностные ориентации и уникальный опыт европейской модернизации и потому не могут считаться универсальными и объективными

категориями социальной жизни [Wallerstein, 1997; McLennan, 2000]. Современность как тип социальной жизни может принимать различные формы, поэтому обнаруживаемое в какой-либо стране расхождение с европейскими паттернами индустриализации, демократизации и секуляризации нужно трактовать не как отставание на пути модернизации, а как специфику одной из множественных современностей [Eisenstadt, 2000]. Признание множественности современных форм социальности предполагает замену мыслительной установки “социологического воображения”, обнаруживающего за всеми индивидуальными явлениями социальность, на установку “этнологического воображения”, обнаруживающего разные социальности и их этнокультурную обусловленность [Kurasawa, 2000].

В таком контексте децентрации западной социологической традиции возникли проекты радикального пересмотра роли постколониальной теории, которая из специфического инструмента изучения аборигенных социокультурных феноменов должна превратиться в альтернативный ресурс развития глобальной социологии. Наиболее характерный пример такого рода проектов – это “Южная теория”, представленная работами Р. Коннелл, Джона Комарофф, и Джейн Комарофф [Connell, 2007; Comaroff, Comaroff, 2012].

Используя принятую в анализе глобального социоэкономического неравенства схему “Север – Юг”, Коннелл критикует доминирующую в социологии “северную теорию”, отражающую проблемы и ценности метрополий и игнорирующую опыт живущих на периферии или в бывших колониях. Она представляет примеры альтернативного теоретизирования, базирующегося на обсуждении локальных реалий в Австралии, экваториальной Африке, Латинской Америке, Индии, Иране. Коннелл пытается показать, что интеллектуалы “глобального Юга”, не связанные “порабощенным мышлением” и “евроцентристскими” теоретическими схемами, могут изменить баланс глобального производства знания в пользу “Южной теории”.

Более радикальную версию “Южной теории” можно обнаружить у супругов Комарофф, предлагающих концепцию “обратного эволюционизма”. Они переворачивают схему “развитый Север – отсталый Юг”, утверждая, что концептуализация африканских реалий более перспективна, чем доминирующая социальная теория, построенная на опыте европейской и американской модернизации. Главный аргумент в пользу “теории с Юга”: в обществах Западной Европы и Северной Америки все сильнее проявляются черты, которые составляют социокультурный образ Африки: неравенство, этнические и религиозные конфликты, коррупция и неэффективность институтов. При всей провокативности тезиса “теории Юга” он не столько подрывает сложившийся концептуальный порядок социологии, сколько добавляет еще одну метафору в русле трансформационного и креативного метатеоретизирования. “Африканизация” социальной реальности – это еще одна заявка на новую процессуальную онтологию для социальных наук, наряду с концепциями постмодернизации, глобализации, макдональдизации, виртуализации и т.п.

Образы социальной реальности как продукт метатеоретизирования. Вообще говоря, трансформационное метатеоретизирование 1990–2000-х гг. заметно сместило фокус внимания с проблемы установления концептуального порядка в ситуации множественности теорий к проблеме новых онтологий как проблеме совладания с множественностью образов социальной реальности. В результате появления в рамках интегративных парадигм релятивистских и динамических моделей соотношения структуралистского и агентного подходов, детерминизма и конструктивизма понятие социального кардинально трансформировалось по сравнению с классическими представлениями О. Конта, К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина, Т. Парсонса, Дж. Хоманса, Г. Блумера, И. Гофмана, А. Шюца, Г. Гарфинкеля. Концептуальный разрыв между позитивистским образом социальной реальности как объективной, структурной, отражаемой, репрезентируемой – и конструктивистскими образами множественных реальностей, характеризующихся интерсубъективностью и зависимостью от акторов и их интенций и интерпретаций, в интегративных парадигмах сменился сложностью социальной реальности. В теории Ю. Хабермаса социальная реальность двухуровневая, существующая как система и как жизненный мир. В теории П. Бурдьё социальная реальность сегментированная, предстающая

как иерархическая конфигурация социальных полей, образуемых позициями и диспозициями. В теории Э. Гидденса социальная реальность фазовая, предстающая попеременно как детерминирующие структуры и как конструирующая агентность.

Разработка “новых онтологий”, представленных, например, концепциями сетей, потоков, мобильностей, текучести и перформативности (А. Аппадурай, Дж. Урри, М. Кастельс, Б. Латур, З. Бауман, К. Кнорр-Цетина, Дж. Александер и др.), направлена на преодоление оппозиции “структурный детерминизм/агентностный конструктивизм” и на создание образа социальной реальности вне привычной логики дуальности и иерархической организованной множественности реальностей. Новые онтологии трансформационного метатеоретизирования должны сменить такие концепции сосуществования обособленных реальностей и иерархических отношений между ними, как, например, конечные/замкнутые миры смыслов при особом статусе повседневности у А. Шюца или упадок социальной реальности модерна при доминировании медийной гиперреальности у Ж. Бодрийяра. Однако трансформационные концепции (пост)социальной реальности в большинстве своем воспроизводят ту же логику доминирования одной реальности над другой. Таковы концепции мобильностей, противопоставляемые седентарному существованию (от лат. *sedentarium* – связанный с долгим сидением), у Дж. Урри [Urry, 2000; Sheller, Urry, 2006], доминирования пространства потоков над пространством мест у М. Кастельса [Castells, 2000] или преобладания текучести над устойчивостью у З. Баумана [Bauman, 2000].

Востребованность в социологическом сообществе новых образов социальной реальности, в том числе в качестве методологических платформ для эмпирических и прикладных социологических исследований, возрастает по мере того, как новые структуры, технологии, практики демонстрируют не замкнутость/конечность “миров смыслов”, не множественность ограниченных одна от другой, рядоположенных или соподчиненных реальностей, а возникновение смешанных, гибридных форм как результата пересечения институциональных границ сетевыми и потоковыми структурами. Все чаще социологам, привыкшим разделять экономическое и культурное, религиозное и секулярное, приватное и публичное, традиционное и современное, материальное и виртуальное, человеческое и техническое и т.д., приходится иметь дело с непривычным взаимопроникновением режимов существования.

На пересечении сетевыми и потоковыми структурами институциональных границ формируется реальность, которую уместно называть техническим термином “дополненная реальность” (*augmented reality*). Такие феномены последних лет, как проведение флэш-мобов и организация креативных пространств демонстрируют проницаемость разных социальных реальностей или разных режимов существования социальности. Но особенно показателен в этом отношении кейс популярной мобильной игры *PokemonGo*, когда вторгающиеся в публичные пространства игроки двигаются и взаимодействуют в физическом пространстве, организованном сообразно институциональным нормам, одновременно находясь в виртуальном пространстве игры. Такое вторжение виртуальной реальности в реальность повседневности и в реальность институционализированной публичности меняет возникшую ранее логику автономизации виртуальных пространств, в которых могла конструироваться особая социальность. Так с использованием технологий дополненной реальности возникает гибридная (пост)социальная реальность, изучение и управление которой требуют выработки представлений о реальности, адекватных современным условиям, а не отражающих условия раннеиндустриального массового общества или даже условия начальной фазы существования постиндустриального общества.

На фоне поисков “новой объектности” в русле постконструктивистского метатеоретизирования развитие концепции социальной реальности, релевантной распространению технологий виртуальной и дополненной реальности, росту числа и численности сетевых сообществ и интенсивному движению материальных, символических и людских потоков, представляется безусловно актуальным. И среди метатеоретических концептов последних двух десятилетий наиболее перспективным представляется “новый материализм” Б. Латюра с его идеей пересборки социальной реальности путем задействования

несоциальных: вещных и технических, – компонентов. Но для раскрытия гибридного и темпорального характера сегодняшней (пост)социальной реальности необходима пересборка самой акторно-сетевой теории с учетом гибридных и темпоральных объектов, существующих в режиме дополненной реальности. Действительный потенциал этой новой социальной онтологии раскрыть можно только в контексте современных технологий, а не на базе банальных рассуждений о роли бытовых предметов вроде стен, дверей и домашней утвари [Вахштайн, 2006].

Отмеченные тенденции возникновения и конкуренции в современной теоретической социологии различных образов социальной реальности указывают на историчность – связанность образов социальной реальности с технологическим, экономическим, социально-демографическим, политическим и социокультурным контекстом теоретизирования. Появление в теоретической социологии все новых концепций социальной реальности отчетливо коррелирует со становлением индустриального общества и с переходом к обществу постиндустриальному. В условиях постиндустриализации объектные метафоры, лежащие в основе классических образов социальной реальности, выглядят менее релевантными, чем процессные метафоры потоков, мобильностей, текучести, перформанса и т.п.

Современный тренд метатеоретизирования в социологии вызывает сдвиг в представлениях о социальной реальности от иерархической множественности в духе А. Шюца через процессуальность в духе З. Баумана и Дж. Урри к взаимопроникновению и дополненности. Дополненная реальность становится метафорой, охватывающей весь ряд предшествующих образов социальной реальности от дюркгеймовской реальности *sui generis* и конструктов до гиперреальности, исчезновения реальности и виртуальной реальности. Систематизация конкурирующих в современной социологии образов социальной реальности в связную картину режимов существования дополненной реальности представляется наиболее актуальной и перспективной задачей метатеоретизирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Вахштайн В. (ред.) Социология вещей. М.: Изд. дом "Территория будущего", 2006. [Vakhshain V. (ed.) (2006) *Sociology of Things*. Moscow: Izd. dom "Territoriya budushchego" (In Russ.)]
- Иванов Д. В. Критическая теория и виртуализация общества // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 32–40. [Ivanov D. V. (1999) *Critical Theory and Virtualization of Society*. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 32–40. (In Russ.)]
- Иванов Д. В. Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 3–13 [Ivanov D. V. (2013) *Stages of Sociology Evolution and Dominant Theorizing Types*. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–13. (In Russ.)]
- Кравченко С. А. Играизация российского общества (к обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 143–155. [Kravchenko S. A. (2002) *The Game-zation of Russian Society (Toward Substantiating a New Sociological Paradigm)*. *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 6: 143–155]
- Akiwowo A. (1999) *Indigenous Sociologies: Extending the Scope of the Argument*. *International Sociology*. No. 2: 115–138.
- Alatas S. (2006) *Alternative Discourses in Asian Social Science: Responses to Eurocentrism*. New Dehli: Sage.
- Alexander J. (2004) *Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy*. *Sociological Theory*. Vol. 22. No. 4: 527–573.
- Alexander J. (2003) *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Oxford University Press.
- Alexander J. (1982) *Theoretical Logic in Sociology*. London: Routledge.
- Appadurai A. (1990) *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy*. *Theory, Culture and Society*. No. 7: 295–310.
- Baudrillard J. (1983) *In the Shadow of the Silent Majorities, or, The End of the Social, and Other Essays*. New York: Semiotext(e).
- Bauman Z. (2000) *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Bhabra G. (2007) *Rethinking Modernity: Postcolonialism and the Sociological Imagination*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

- Bourdieu P. (1980) *Le Sens pratique*. Paris: Minuit.
- Castells M. (2000) *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Comaroff J., Comaroff J. (2012) *Theory from the South, or How Euro-America Is Evolving toward Africa*. Boulder, CO: Paradigm Publishers.
- Connell R. (2007) *Southern Theory. The Global Dynamics of Knowledge in Social Science*. Cambridge: Polity Press.
- Eisenstadt S. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*. Vol. 129. No. 1: 1–29.
- Foucault M. (1966) *Les mots et les choses: une archéologie des sciences humaines*. Paris: Gallimard.
- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Los Angeles: University of California Press.
- Habermas J. (1981) *Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Knorr Cetina K., Preda A. (2007) The Temporalization of Financial Markets: From Network to Flow. *Theory, Culture & Society*. Vol. 24. No. 7–8: 116–138.
- Kurasawa F. (2000) The Ethnological Counter-Current in Sociology. *International Sociology*. No. 1: 11–31.
- Lash S., Urry J. (1994) *Economies of Signs and Spaces*. London: Sage.
- Latour B. (1996) On Interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity*. Vol. 3. No. 4: 228–245.
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Lyotard J.-F. (1979) *La Condition postmoderne. Rapport sur le savoir*. Paris: Minuit.
- McLennan G. (2000) Sociology's Eurocentrism and the 'Rise of the West' Revisited. *European Journal of Social Theory*. No. 3: 275–291.
- McLennan G. (2003) Sociology, Eurocentrism and Postcolonial Theory. *European Journal of Social Theory*. No. 1: 69–86.
- Ritzer G. (2001) *Explorations in Social Theory: From Metatheorizing to Rationalization*. London: Sage Publications.
- Ritzer G. (1993) *The McDonaldization of Society*. Newbury Park, CA: Pine Forge Press.
- Ritzer G. (1990) Metatheorizing in Sociology. *Sociological Forum*. Vol. 5. No. 1: 3–15.
- Ritzer G. (1975) Sociology: A Multiple Paradigm Science. *The American Sociologist*. Vol. 10. No. 3: 156–167.
- Ritzer G. (1980) *Sociology: A Multiple Paradigm Science*. Boston, MA: Allyn and Bacon.
- Sheller M., Urry J. (2006) The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning*. Vol. 38: 207–226.
- Sztompka P. (2000) Cultural Trauma: The Other Face of Social Change. *European Journal of Social Theory*. Vol. 3. No. 4: 449–466.
- Sztompka P. (1979) *Sociological Dilemmas: Toward a Dialectic Paradigm*. New York: Academic Press.
- Turner J. (1978) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood, IL: Dorsey Press.
- Urry J. (2000) *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London: Routledge.
- Wallerstein I. (1997) Eurocentrism and its avatars: the dilemmas of social science. *New Left Review*. Vol. 226: 93–108.

Статья поступила: 09.06.17. Принята к печати: 01.07.17.

METATHEORIZING TREND IN THE CURRENT SOCIOLOGY

IVANOV D.V.

Saint-Petersburg State University, Russia

Dmitry V. IVANOV, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (dvi1967@gmail.com).

Abstract. The article is dedicated to analysis of metatheorizing trend in current sociology. Sociological community shifts focus from discourse of paradigm crisis toward metatheorizing. Two kinds of that conceptual activity are distinguished: stabilization metatheorizing and transformative metatheorizing. Stabilization metatheorizing initiated by G. Ritzer's works is aimed at sociology's theoretical unity which would be provided by conceptual order to be established among multiple theories. The main characteristic of such metatheorizing is reflexivity. Transformative metatheorizing identified with works of Manuel Castells, John Urry, Zygmunt Bauman, and Bruno Latour is oriented toward new objectivities discovery. Such metaphoric concepts as 'network', 'flow', 'liquidity', 'mobilities' and so on, define social reality arising in recent decades. The main characteristic of this kind of metatheorizing is creativity. The 'global-North' sociological community is developing metatheoretical concepts in postconstructivist way while the 'global-South' orientation is rather postcolonial theorizing. Postconstructivism and postcolonial theory are considered as distinct orientations in the transformative metatheorizing. Metatheorizing generates the new ontologies issue. The problem of multiple new social reality images created in the process of transformative metatheorizing is considered in the article as crucial for current sociology. The author's proposal is to solve that problem using the 'augmented reality' metaphor.

Keywords: current sociology, trends, metatheorizing, social reality images, post-constructivism, postcolonial theory.

Received: 09.06.17. Accepted: 01.07.17